

УДК 811.11'373.421

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ (ПО ДАННЫМ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ)

И. А. Меркулова, О. М. Воевудская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 марта 2013 г.

Аннотация: в статье сопоставляются значения, образующие наиболее многочисленные синонимические ряды, в 11 германских и 13 славянских языках. Эти семемы могут служить формальными показателями ценностных ориентиров носителей этих языков. Выявляются общие и особенные элементы аксиосфер славянских и германских народов.

Ключевые слова: синонимический ряд, параметрическое ядро, аксиологема, аксиосфера, германские языки, славянские языки.

Abstract: in the article the authors compare the meanings which form the most numerous synonymic sets in 11 Germanic and 13 Slavonic living languages and which can serve as formal indicators of the system of values of the Germanic and Slavonic peoples. As a result, both common and specific features of axiospheres of Slavonic and Germanic peoples are revealed.

Key words: synonymic set, parametric nucleus, axiologeme, axiosphere, Germanic languages, Slavonic languages

В современных лингвистических исследованиях проблемы, связанные с отражением ценностных категорий (аксиологем) в языке, вызывают все больший интерес. Предлагаются различные методики аксиологического анализа: исследование этимологии аксиологически нагруженных лексем в рамках этнолингвистики [1; 2], изучение ассоциативных связей, психосемантический эксперимент с носителями языка с целью вскрытия содержания ценностей [3; 4], исследование аксиологических парадигм во фразеологии [5], составление словарей ценностей современной культуры [6], этносемиотрия как метод [7] и т.п. Одно из направлений реализуется в лаборатории «Аксиологическая лингвистика» под руководством В. И. Карасика [8].

Действительно, лексика несет основную культурную нагрузку. Из слов складывается языковая картина мира, определяющая его восприятие носителями данного языка.

Наше исследование основывается на предположении о высокой информативности парадигматического ядра лексики. В него входят слова, формирующие наиболее многочисленные синонимические ряды. Логика такого решения состоит в следующем: чем важнее та или иная подсистема в системе, тем надежнее она защищена от выхода из строя, т.е. продубли-

рована большее количество раз. Чем важнее то или иное значение в словаре, тем большим числом слов оно передается – на случай выхода из строя (т.е. из словаря) доминанты синонимического ряда. Это обстоятельство позволяет видеть в размерности синонимических рядов указание на степень важности значений для носителей данного языка.

Цель предлагаемой работы можно обозначить как сопоставление ценностных ориентаций славянских и германских народов. Ее достижение предполагает определенные этапы: 1) выявление системы аксиологем, представленной в славянских языках (предварительные результаты были получены автором [9]); 2) выявление системы аксиологем, представленной в германских языках (результаты получены О. М. Воевудской); 3) сравнение ценностей.

Информация о синонимических связях лексем извлекалась в основном из двуязычных словарей путем позиционного анализа дефиниций, предложенного А. А. Кретовым и В. Т. Титовым [10]. В отдельных случаях использовались одноязычные синонимические словари (например, для украинского и белорусского языков). Список словарей-источников приводится в конце статьи.

По каждому из славянских и германских языков путем ранжирования было отобрано около тысячи рядов с наибольшим количеством синонимов, которые и сформировали так называемое парадигмати-

ческое ядро лексики словаря. Собрав воедино данные по «верхушкам» парадигматических ядер анализируемых языков (под «верхушкой» нами понимались значения, занявшие первые три позиции в списке синонимических рядов), можно очертить круг ценностных приоритетов, которые присущи славянской и германской ментальности. Следует отметить, что в некоторых языках указанные позиции могли занять значения, по которым сформировалось сразу несколько синонимических рядов с одинаковым количеством членов. В этом случае приводятся все эти значения.

Укажем доминантное (самый многочисленный синонимический ряд), вице-доминантное и занимающее третью позицию значения в славянских и германских словарях.

Для русского языка – ‘ударить’, ‘умереть’, ‘обмануть’.

Для украинского языка – ‘бить’, ‘побежать’, ‘сказать’.

Для белорусского языка – ‘говорить’, ‘хороший’, ‘ударить’.

Для польского языка – ‘жидкий’, ‘нарушать’, ‘удар’.

Для чешского языка – ‘шум’, ‘ругать’, ‘скряга’.

Для словацкого языка – ‘центр’, ‘скудный’, ‘сделать (совершить)’, ‘мешать’, ‘жидкий’.

Для нижнелужицкого языка – ‘болтать (сплетничать, судачить)’, ‘бить (колотить)’, ‘дурак’, ‘уничтожить’.

Для верхнелужицкого языка – ‘жидкий’, ‘болтать (тараторить)’, ‘выманить’.

Для кашубского языка – ‘бросать (кидать)’, ‘кудахтать’, ‘погибнуть’.

Для македонского языка – ‘обжора’, ‘выжидать из ума’, ‘болтун’.

Для болгарского языка – ‘бормотать’, ‘болтун’, ‘дурак’.

Для словенского языка – ‘охватывать’, ‘раскрыть’, ‘морщить’.

Для сербского языка – ‘магазин’, ‘отменить’, ‘появиться’, ‘угостить’, ‘шум’.

Для английского языка – ‘деньги’, ‘пьяный’, ‘случайный’.

Для фризского языка – ‘селиться’, ‘кусок’, ‘менять’, ‘платить’.

Для немецкого языка – ‘начало’, ‘упрямый’, ‘деньги’, ‘объявление’, ‘отказ’, ‘давать (предоставлять)’.

Для языка идиш – ‘шум’, ‘осторожный’, ‘дурак (глупец)’.

Для нидерландского языка – ‘поднять’, ‘выпустить’, ‘убрать’, ‘резкий’.

Для африкаанса – ‘выполнять, действовать’, ‘двигаться’, ‘селиться’.

Для датского языка – ‘начало’, ‘дело’, ‘работа’, ‘предмет’.

Для фарерского языка – ‘шум’, ‘печальный’, ‘усталый’, ‘затруднение (проблема)’.

Для норвежского языка – ‘упрямый’, ‘происходить, случаться’, ‘дело’, ‘надежный’.

Для шведского языка – ‘мнение’, ‘странный’, ‘документ’, ‘ошибка’, ‘случаться’, ‘уважение’, ‘указывать’.

Для исландского языка – ‘шуметь’, ‘щедрый’, ‘бедняга, несчастный’, ‘несчастье’.

Воспользовавшись полученными данными, сравним ценностные ориентации славян и германцев.

Сначала рассмотрим те значения, которые совпадают (полностью или частично) у славянских и германских народов. Сразу скажем, что таких совпадений оказалось не очень много.

Логичным представляется наличие в аксиосфере носителей и славянских, и германских языков значений, связанных с идеей мобильности и динамики (вспомним эпоху Великого переселения народов, V–VII вв. н.э.). ‘Происходить’, ‘случаться’ (шведский, норвежский), ‘двигаться’ (африкаанс), ‘убрать’, ‘выпустить’ (нидерландский), с одной стороны, и ‘побежать’ (украинский), ‘появиться’, ‘отменить’ (сербский), ‘жидкий’ (польский и верхнелужицкий), с другой стороны. Позволим себе с большой долей осторожности предположить, что у германцев отмечается определенный баланс между тягой к перемене мест и стремлением к оседлости и стабильности: в двух языках – фризском и африкаанс – выстраиваются многочленные синонимические ряды по значению ‘селиться’.

Продолжая мысль о такой важной аксиологеме, как мобильность, необходимо принимать во внимание тот факт, что древние германцы (например, викинги, готы) выступали больше как инициаторы различных набегов и завоеваний, в то время как славяне в основном отражали подобные вторжения и защищали свои территории, отсюда и их особое внимание к сохранению жизни: ‘умереть’ (русский язык) и ‘погибнуть’ (кашубский язык). В парадигматических ядрах германских языков идея смерти не занимает ведущих позиций, что, как нам кажется, можно объяснить верованиями северогерманских народов (в особенности) в некую мифическую страну – Валгаллу, куда попадали души павших в бою воинов. Поэтому викинги не испытывали большого страха перед смертью.

Важность трудовой деятельности, выраженная в германских языках отчетливо, – ‘действовать’ (африкаанс), ‘дело’, ‘работа’ (датский, норвежский), ‘начало’ (немецкий), – в славянских языках (за исключением словацкого с его доминантой ‘сделать, совершить’, которую скорее можно рассматривать как родовую сему всех глаголов действия в отличие от глаголов состояния) выражается опосредованно. Например, *бить, ударять, удар* (русский, украинский,

белорусский, польский, нижнелужицкий) – это, с одной стороны, обозначение трудового процесса, а с другой – вполне может обозначать какие-либо насильственные действия.

Аксиологические доминанты *бросать*, *кидать*, в славянских языках связанные с трудовыми операциями, выполняемыми с помощью рук, имеют соответствия в германских языках, хотя и не полные: *поднять*, *убрать* (нидерландский), *выполнять* (африкаанс).

Идея вербальности, очень широко представленная в славянских языках в виде доминант ‘*говорить*’ (белорусский), ‘*сказать*’ (украинский), ‘*болтать*’ (нижне- и верхнелужицкий), ‘*бормотать*’ (болгарский), ‘*ругать*’ (чешский), ‘*болтун*’ (македонский, болгарский), *кудахтать* (кашубский), отражена, хотя и крайне скупо, в германских языках в виде семем ‘*объявление*’ и ‘*отказ*’ (немецкий).

Следующую аксиологему следует предварить некоторыми пояснениями. В свое время Н. Д. Арутюнова не раз высказывала мысль о том, что в языке часто маркируется аномальность: «Восприятие мира, прежде всего, фиксирует аномальные явления» [11]. В связи с этим некоторые «аномальные», с нашей точки зрения, семемы, по которым выстроились многочисленные синонимические ряды, трактуются нами как маркированные оппозиции нормы.

Германские языки (исландский, фарерский и идиш) объединяет со славянскими (чешский, сербский) значение ‘*шум*’, ‘*шуметь*’, что может быть маркером от противного аксиологемы ‘*тишина, спокойствие*’. Возможно, это отголоски культурного влияния существовавшей в 1867–1918 гг. Австро-Венгерской империи.

Южнославянские языки (скорее под влиянием романских) объединяет идея высокой ценности ума, также обозначенная от противного: ‘*дурак*’ (болгарский), ‘*выжить из ума*’ (македонский). ‘*Дурак*’ встречается также и в списке семем нижнелужицкого языка. В германских же языках, во всяком случае в «верхушке» парадигматики, это значение отмечено лишь в языке идиш. Но если вспомнить носителей этого языка, которые традиционно селились на территориях славян и тесно взаимодействовали с этими народами, становится ясно, что идея ценности ума оказалась отмеченной и у еврейского народа. Интересно, что идиш демонстрирует тесную связь своих доминант со славянскими (западными и южными).

Среди ценностей, которые свойственны прежде всего носителям германских языков, можно назвать их стремление к материальному благополучию: *деньги* (английский, немецкий), *менять*, *платить*, *кусок* (фризский), *предмет* (датский), которое почти не интересует носителей славянских языков (за единственным исключением в сербском языке, где доминантной является семема *магазин*, т.е. место, где

осуществляются различные торговые операции с обязательным использованием денег).

Очевидно, что для носителей и славянских, и германских языков немаловажное значение должны иметь поведенческие характеристики человека, среди которых действительно находим щедрость: в сербском – *угостить*, в немецком – *дать*, *предоставить*, в исландском – *щедрый*, а в чешском – антонимичное значение *скряга*.

И славянские, и германские народы не одобряют тех, кто не воздержан в еде и питье: *обжора* (македонский), *пьяный* (английский).

Пожалуй, на этом общее заканчивается. Остальные элементы системы ценностей славян и германцев не совпадают.

Например, идея соборности, свойственная славянам и выраженная семемами ‘*охватывать*’ и антонимичным глаголом ‘*раскрыть*’ (словенский), ‘*центр*’ (словацкий) – как раз то место, вокруг которого объединение может происходить, никак не подтверждается данными германских языков. *Нарушать* (польский), *уничтожать* (нижнелужицкий), *мешать* (словацкий), *морищить* (словенский), – смыслы, объединенные архисемой ‘нарушение целостности, привычного порядка’, фиксируются среди семем, максимально важных для западных славян и находящихся в наибольшей близости к ним словенцев, но никак не представлены у германцев. Хотя, как нам кажется, сюда можно было бы отнести семему фарерского языка *затруднение* и шведского языка *ошибка*, если рассматривать их как препятствие или нарушение нормального, естественного хода вещей.

Среди поведенческих характеристик, не нашедших соответствий между носителями германских и славянских языков, можно назвать следующие: славяне осуждают хитрость – *обмануть* (русский), *выманить* (верхнелужицкий), подчеркивая ценность правдивости и искренности, а немцы и норвежцы – *упрямство*, тем самым обращая внимание на уступчивость и покладистость. Носители шведского языка ценят такое качество, как *уважение*, евреи – *осторожность*, а норвежцы – *надежность*. Исландцы оказались самыми сострадательными людьми (*бедняга*, *несчастье*), а у фарерцев наиболее многочисленные синонимические ряды образуются по значениям *печальный* и *усталый*, что также можно трактовать как оппозицию *веселого* и *полного сил*. Эта же идея находит отражение у словаков, не терпящих скуки. Толерантные голландцы осуждают *резкость*. Англичане избегают всего *случайного* и неожиданного, шведы – того, что выходит за рамки здравого смысла, т.е. всякие *странности* и аномалии.

В белорусском языке отмечена очень широкая по семантике положительная характеристика – *хороший*, которая в равной степени может относиться и к по-

ведению человека, и к качественным показателям одушевленных и неодушевленных объектов.

Наиболее абстрактная лексика, не нашедшая соответствий ни в германских, ни в славянских языках, представлена в шведском – *мнение* и *документ*. Семема *мнение* явно тяготеет к ментальным операциям, а семема *документ* – к артефактам, которые нормируют жизнь социума.

Таким образом, германцы, в сравнении со славянами, выступают более прагматичными и реалистичными людьми, нацеленными, прежде всего, на дело, которое приносит материальный доход. Они трудолюбивы и честны, трезво воспринимают природный порядок вещей – жизнь и смерть. Ничто человеческое им не чуждо: они могут быть сострадательными и упрямыми, щедрыми и осторожными. Для них, в целом, важны такие качества, как ум, желание придерживаться сложившихся в обществе норм поведения, спокойствие, аккуратность, мягкость, трезвость.

Славяне же воспринимают окружающую их действительность как нестабильную и изменчивую. Они привыкли к тому, что естественный порядок и целостность могут быть нарушены, и нередко так и происходит. Возможно, это связано с историческими событиями в жизни этих народов (постоянной необходимостью отражения нападений соседних германских племен). Как известно, чтобы победить, необходимо объединить усилия, отсюда и подчеркивание важности единения. Думается, что и обилие «вербальных» глаголов как показатель стремления что-либо обсудить, договориться связано с этой идеей. Славянам важно общение – они соборны. Кроме того, среди собственно славянских аксиологем выделяется ‘удар’ как часть трудового и боевого процесса и свойственная западным славянам аксиологема ‘жидкость’.

Таким образом, унифицированный, формализованный подход, основанный на количественных характеристиках синонимии, предпринятый в исследовании, позволяет пунктирно (схематично) обрисовать аксиологический портрет носителей того или иного языка и культуры. Движение от уровня количественных показателей лексико-семантической системы языка на уровень их качественной интерпретации, безусловно, не может иметь только одну траекторию. Качественных интерпретаций материала может быть много. Нужно накопить их достаточное количество, чтобы иметь возможность найти истинное знание, ради которого научные исследования и проводятся. Хочется надеяться, что предложенный подход позволяет ограничить произвол исследователя показателями языка и тем самым повысить научность исследований в области лингвоаксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский ; пер. с польск. А. В. Юдина. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.
3. Синячкин В. П. Психоллингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании / В. П. Синячкин. – М. : Изд-во РУДН, 2010. – 337 с.
4. Tarasow J. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Тарасов // Aktualne problemy językoznawstwa słowiańskiego. – Siedlce, 2012. – С. 217–230.
5. Байрамова Л. К. Аксиологический вектор фразеологизмов / Л. К. Байрамова // Русская сопоставительная филология. – Казань, 2009. – С. 27–30.
6. Березович Е. Л. Проект «Славянского аксиологического словаря». О создании исследовательской группы по разработке проекта аксиологического словаря / Е. Л. Березович // Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / pod. red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 2003. – S. 456–458.
7. Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. – М. : Тезаурус, 2011. – 352 с.
8. Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 310 с.
9. Меркулова И. А. Аксиосфера славян по данным синонимии / И. А. Меркулова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 37–42.
10. Кретов А. А. Алгоритм позиционного выявления синонимии / А. А. Кретов, В. Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Системный анализ и информационные технологии. – 2006. – № 1. – С. 62–65.
11. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

СЛОВАРИ-ИСТОЧНИКИ

- Англо-русский словарь : 40 000 сл. / сост. В. К. Мюллер, С. К. Боянус. – М., 2000. – 1390 с.
- Барщевский Л. Норвежско-русский и русско-норвежский словарь / Л. Барщевский, Ю. Железко, А. Нурданг. – М., 2004. – 446 с.
- Белорусско-русский словарь : ок. 90 000 слов / под ред. К. К. Крапивы. – М., 1962. – 1048 с.
- Берков В. П. Исландско-русский словарь: 35 000 слов / В. П. Берков ; с прилож. краткого очерка грамматики исландского языка, сост. А. Бедварссоном. – М., 1962. – 1032 с.

Верхнелужицко-русский словарь / сост. К. К. Трофимович ; под ред. Ф. Михалка и П. Фёлькеля : 36 000 слов. – М. : Бауцен, 1974. – 564 с.

Гудков В. П. Сербско-русский и русско-сербский словарь / В. П. Гудков, С. Иванович : 10 000 слов. – 5-е изд., стер. – М., 2006. – 438 с.

Датско-русский и русско-датский словарь / под ред. Е. В. Бабушкиной-Лорентцен. – 6-е изд., стер. – М., – 653 с.

Длуги Д. А. Чешско-русский словарь : около 11 тыс. слов. – 2-е изд., стер. / Д. А. Длуги, Б. Г. Раевский, Н. Р. Буравцева. – М., 1973. – 476 с.

Ефремова В. В. Шведско-русский и русско-шведский словарь / В. В. Ефремова ; под ред. К. Давидсон. – М. ; СПб., 2003. – 908 с.

Коллар Д. Карманный словацко-русский словарь : 10 000 слов. / Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова, Я. Марушиакова. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М., 1982. – 512 с.

Леонидова М. А. Карманный болгарско-русский словарь. Джебен българско-русски речник : 10 000 слов / М. А. Леонидова. – 9-е изд., испр. и доп. – М., 1986. – 468 с.

Новый немецко-русский словарь / под ред. М. Я. Цвиллинга. – М., 2005. – 524 с.

Розвадовская М. Ф. Польско-русский словарь : ок. 50 000 слов и выражений / М. Ф. Розвадовская. – Изд. 7-е. – М., 1963. – 816 с.

Солдатов А. М. Большой идиш-русский словарь : ок. 40 000 слов / А. М. Солдатов. – 3-е изд., доп. – Екатеринбург, 2009. – 1027 с.

Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 2001. – 1546 с.

Толовски Д. Македонско-русский словарь : с приложением краткого грамматического справочника / Д. Толовски, В. М. Илич-Свитыч. – М., 1963. – 576 с.

Загнітко А. П. Великий українсько-російський і російсько-український словник / А. П. Загнітко, М. О. Вінтонів, І. Г. Данилюк. – Донецьк, 2007. – 949 с.

Клышка М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка ; аўт.-склад. М. К. Клышка. – Минск, 2005. – 672 с.

Словник синонімів української мови : у 2 т. / А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Головащук та ін. — Київ, 1999–2000. – 1864 с.

Baar A. H. van den. Groot Nederlands-Russisch Woordenboek / Большой голландско-русский словарь / A. H. van den Baar. – Amsterdam, 2012. – 1265 p.

Doruľa J. Krátky slovník slovenského jazyka (okolo 50 000 slov) / J. Doruľa, J. Kačala, M. Marsinová et al ; red. J. Kačala, M. Pisárčiková. – Bratislava, 1989. – 588 s.

Dykstra A. Frisian-English Dictionary / A. Dykstra // Fryske Akademy ; Afûk - Ljouwert. – Leeuwarden, 2000. – 1153 p.

Kromhout J. Afrikaans-English Dictionary / J. Kromhout. – 4th printing. – New York : Hippocrene Books, 2006. – 373 p.

Sever J. Rusko-slovenski in slovensko-raski moderni slovar = Russko-slovenskij i slovensko-russkij sovremennij slovar' / J. Sever, O. Plotnikova. – 1. nespremenjena izd., 4. natis. – Ljubljana, 2006. – 600 s.

Starosta M. Dolnosorbischněmski słownik : šulski słownik dolnosorbiskeje řečy / Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch / M. Starosta. – Leipzig : Interdruck, 1984.

Young G. V. C. Faroese-English Dictionary / G. V. C. Young. – Republic of Ireland, 1985. – 684 p.

Воронежский государственный университет

Меркулова И. А., кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: igell@yandex.ru

Тел.: 8-920-410-25-69

Воевудская О. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: oxavoev@mail.ru

Тел.: 8-960-110-41-78

Voronezh State University

Merkulova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: igell@yandex.ru

Tel.: 8-920-410-25-69

Voevudskaya O. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: oxavoev@mail.ru

Tel.: 8-960-110-41-78